

Борис Поздняков*

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОНЦЕПТА ВЫРАЖЕНИЯ И ТЕОРИИ ЗНАКОВ У ДЕЛЁЗА**

Получено: 23.07.2023. Рецензировано: 03.02.2024. Принято: 10.04.2024.

Аннотация: В рамках предлагаемой статьи изложены два концепта — концепт выражения и концепт теории знаков, с опорой на Жюльена Делёза и его понимание Спинозы. Концепт выражения подразумевает наличие сразу двух типов выражения, прямого и косвенного, на пересечении которых находится одно «особое исключение» — человек, выпадающий из общего порядка выражения. В сознании человека два типа выражения противоречат друг другу. Косвенное выражение дано человеку в виде смутных знаков, которые склоняют человека к одному из двух решений: либо полностью встроиться в порядок прямого выражения, тем самым сведя свою жизнь к чистой актуальности (и стать подобным всякой другой вещи), либо сделать ставку на свое особенное человеческое существование, полное знаков, без попытки их дешифровать/познавать/разрешать. Кроме этого, в статье будет предложена систематизация всех возможных знаков, употребляемых Делёзом на протяжении его творчества, в виде пяти инвариантов, встречающихся в соответствующих текстах: индикативные, любовные, абстрагирующие, императивные, а также особенные знаки — события. Автор утверждает, что несмотря на то, что иногда Делёз называет события — знаками, а некие знаки — событиями, мы можем их различить с точки зрения их смысла. Знаки ведут человека к актуальному существованию, путем уничтожения всякого образца и умножения бесконечных симулякров, в то время как события подразумевают утверждение невозможных миров, постоянно подстраивающихся под актуальную действительность в прошлом и будущем. Область знаков и событий одна и та же — это косвенное выражение от других вещей в нашем сознании, которые предстают перед нами в виде проблемы, задачи, вопроса и так далее; однако смысл этого выражения (какое бы не было его актуальное место) различен, а поэтому само разделение между знаком и событием оказывается скорее функциональным, нежели онтологическим.

Ключевые слова: Делёз, идея выражения, знаки, Спиноза, различие, смысл.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-277-299.

ВВЕДЕНИЕ

В этой статье я бы хотел показать взаимосвязь двух концептов, которые могут быть найдены у Жюльена Делёза. Первый из них более явный — концепт выражения, который подробно разбирается в работе «Спиноза

*Поздняков Борис Борисович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), deka.dekada@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0386-7729.

**© Поздняков, Б. Б. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и проблема выражения». Второй не столь очевиден — речь идет об особенном понимании Делёзом «знаков» и их сочетаний друг с другом. На протяжении своего творчества Делёз прибегал к понятию знака многократно, причем в совершенно разных контекстах, иногда используя его в обыденном смысле («Капитализм и Шизофрения»), иногда пытаясь попутно соотнести его с Соссюром или Пирсом («Тысяча Плато», «Кино»), а иногда — в особенном, имеющим исключительное отношение к концепту выражения.

Оба концепта берут свое начало из Спинозы и получают свою собственную историю. С концептом выражения более-менее ясно, и об этом чуть ниже, но про теорию знаков следует сказать заранее — по всей видимости, знаки не очень интересовали большинство исследователей Делёза. Знаки либо полностью игнорируются, как несущественные, либо упоминаются вскользь и с оговоркой, без особого энтузиазма. Например, весьма типичный комментарий: «Deleuze never develops a full philosophy of sign... in fact, it is hard to argue that the concept of sign is crucial to his metaphysics» (Williams, 2016: 120–121)¹. Второй пример: «Knowledge from signs [...] is basically knowledge from the verbal reports from others» (Howie, 2002: 109). Хови утверждает, разбирая особенности неадекватного познания, что знаки для Делёза в его интерпретации Спинозы сводятся до знания, полученного из чужих уст; то есть им берется самый несущественный аспект знаков, и далее, в этой огромной монографии не говорится о знаках совсем ничего, так как для автора это, по всей видимости, несущественно для изложения. Понять эту позицию вполне можно: для описания делёзовской онтологии, без прибегания к тому, как она функционирует феноменологически, понятие знака оказывается избыточным².

Есть и несколько десятков более интересных исследований, которые, впрочем, все еще страдают от излишней ограниченности в выборе текстов. Так, довольно часто прибегают к «Кино» и многочисленным знакам, кратко описанных Делёзом в этом двухтомнике. Обычно подобное обращение сводится к сравнению Делёза и Пирса, оставаясь

¹Вильямс занимает позицию, что если теория знаков у Делёза какая-либо и есть (а скорее всего ее нет), то она никакого особого значения для делёзовской онтологии не имеет.

²Связано это с тем, что у Делёза знак всегда есть для кого-то, а не является той или иной наличной вещью, которую можно просто описать как всякий другой предмет.

относительно поверхностным (Dawkins, 2020; Marks, 2000)³. Даже лучшие работы обычно не доходят в анализе дальше «Марселя Пруста и знаков» (Campbell, 2019)⁴.

Отдельно отмечу статью «Deleuze and Signs» (Colombat, 2000), которая особенно полезна в контексте знакового анализа. В ней автор, как и я, проводит явную параллель между концептом выражения и знаками у Делёза; и также делает акцент именно на свертывание и развертывание. Недостатком статьи является то, что сам концепт выражения не проиллюстрирован онтологически (что именно выражается, в чем и так далее): основной тезис статьи заключается в том, что обычно знаки трактуют лингвистически, а у Делёза они выразительные, выражают что-то важное и соотносятся со временем. Это не совсем корректно (или не столь существенно), хотя попытки соотнести различные знаки именно со временной структурой также предпринимались неоднократно, и связаны они обычно с акцентом на фрейдистские главы из «Различия и повторения», см. например (Faukner, 2004), где автор предлагает соотносить три типа знаков (светские, любви и искусства) с тремя синтезами времени из «Различия и Повторения», так как светские знаки (слухи) можно рассматривать в роли коннективного синтеза и-и (слухи множатся и наслаиваются, не исключая друг друга), знаки любви работают по принципу «или-или», а искусства — разъединительные, то есть дробят наши ощущения на части, подобно тому, как мы, сплетая мир в искусстве, как бы выбираем лишь одну вариацию, исключая прочие⁵.

³Автор первой статьи заявляет, что разница между Делёзом и Пирсом в том, что для первого знаковое познание позволяет создавать новые объекты, в то время как для Пирса знаки приводят к реинтерпретации старых (что, строго говоря, не самое важное для понятия знака у Делёза вообще, потому что у его знаков нет отдельных объектов, ни новых, ни старых); во второй статье речь идет о том, что документальное кино якобы способно в наибольшей степени соответствовать образу-времени и его знакам, что тоже ошибочно, ведь документальное кино для Делёза — типичный пример сенсомоторный схемы, особенно учитывая примеры самого Делёза с Лени Рифеншталь (впрочем, автор будет настаивать на обратном).

⁴Несмотря на обзорный характер (и богатство затронутых тем), автор предстает последовательную эволюцию взглядов Делёза и Гваттари на понятие знака, что огромная редкость; однако никакой «теории» знаков мы у него не найдем, поскольку акцент делается на особенностях словоупотребления.

⁵Несмотря на интересную перспективу, Фоукнер как минимум забывает про материальные знаки и ровняет знаки искусства со знаками любви и светскими, что, конечно, ошибочно, что будет видно далее. Ошибка Фоукнер связана с желанием привязать знаковую проблематику именно к фрейдистским сюжетам (в дальнейшем возникнет лесенка «оно, я, супер-я») вместо того, чтобы обратиться к Спинозе.

Я полагаю, что можно было бы попытаться продемонстрировать взаимосвязь концепта выражения (в делёзовском изводе) и знаков, выделив их основные составляющие, практически неизменно воспроизводящиеся в ключевых текстах Делёза⁶, объединив все это в единую теорию знаков. Эту теорию пришлось достроить автору статьи самостоятельно, поскольку Делёз действительно не выделил какой-то одной конкретной теории знаков, а всю жизнь ее видоизменял, улучшал, разделял на части и множил. Так, например, если в «Спинозе и проблеме выражения» мы находим всего три типа знаков, то в «Кино» их более двадцати.

Все это мы еще разберем подробнее, попутно попытаемся сконструировать некий инвариант, идеально подходящий как проблеме выражения, так и в целом согласующийся со всеми многочисленными знаковыми вариациями самого Делёза. Кроме этого, мы выделим два ключевых способа взаимодействия со знаками или два смысла знаков, один из которых приведет нас к утверждению чистой актуальности, а второй — к утверждению одновременного сосуществования невозможных миров.

ИДЕЯ ВЫРАЖЕНИЯ

Наиболее подробно концепт выражения разобран Делёзом в тексте «Спиноза и проблема выражения»; там же впервые появляется и первый набор знаков. Для раскрытия этих сюжетов мы начнем с пары ключевых терминов, «свертывание» и «развертывание»:

Развертывать — это развивать, свертывать — это подразумевать. [...] два термина не противоположны, они лишь указывают на два аспекта выражения. С одной стороны, выражение — это [...] развитие того, что выражает себя, манифестация Единого во многом... с другой стороны, множественное выражение свертывает Единое. Единое остается свернутым в том, что его выражает... Между двумя терминами нет противоречия, за исключением одного особого случая... (Делёз, 2014: 9).

На уровне онтологии Единое/Бог выражается *двумя* способами, или, иначе, существует два порядка выражения⁷. С одной стороны, Бог выражается напрямую в каждой вещи, а значит и является прямой

⁶Речь идет о всех крупных книгах Делёза, кроме двух томов «Капитализма и Шизофрении», поскольку в последнем понятие знака используется исключительно в сосюрровском/обыденном смысле.

⁷Это общая тема для всего «Спинозы и проблемы выражения» с точки зрения онтологии. Она затрагивает аспекты выражения Бога как напрямую, так и через атрибуты; мы опустим большую часть. Подробнее см. Делёз, 2014: 7–8, 77–80.

«причиной каждой вещи *в том же самом смысле*, в каком он является причиной самого себя» (Делёз, 2014: 79). С другой стороны, Бог является и косвенной причиной каждой вещи, постольку, поскольку он был прямой причиной какой-то другой вещи, которая стала причиной рассматриваемой (там же: 77)⁸. Таким образом мы сталкиваемся с двумя порядками причин — есть некая высшая и прямая онтологическая причина (Бог, Единое), а с другой стороны — общий порядок природы в ее последовательном развертывании, где причиной выступает не Бог напрямую, но некая другая вещь. Впоследствии, в «Кино» эта модель объясняется без единого источника. С ссылкой на Бергсона, Делёз прибегнет к метафоре «светящихся вещей». Взаимно обуславливая друг друга своим светом, они разворачиваются и сворачиваются друг в друге. Особенности вещи, «живое» (вместо человека из «Спинозы и проблемы выражения»), медленно реагируют на этот свет, а значит выпадают из общего процесса, который в итоге «обволакивает» нас вторичным образом, образует знаменитые внешние «складки» (складки неясностей, знаковые складки). На уровне терминов поэтому и нужны два слова: с одной стороны, порядок выражения подразумевает развертывание собственной природы каждой вещию напрямую; с другой стороны, всякая вещь оказывается под влиянием чужого выражения, которое оно свертывает на своей поверхности.

Особенно интересным здесь является «*один особый случай*» — человек⁹, который и позволит ухватить всю конструкцию целиком. Для нас, как живых людей, возникает некий зазор, некая дисгармония между нашим собственным внутренним развертыванием и внешним свернутым порядком выражения других вещей. Человек сталкивается с *невывразительными идеями*, то есть знаками¹⁰. Они невыразительны в том смысле, что свернуты в самих себе и ни на что не способны сослать — у них нет никакого объекта, к которому можно обратиться, но при этом мы имеем к ним доступ (феноменологически). Знаки являются

⁸ Делёз рассматривает этот вопрос в контексте производства — Бог есть прямая причина меня *логически*, однако он является косвенной причиной меня с точки зрения моего производства, *физически*. Подробнее см. Делёз, 2014: 77.

⁹ Делёз мистично ссылается в процитированном фрагменте сноской на главу № 9, которая начинается с разговора об неадекватных идеях и знаках у человека.

¹⁰ Там же: 117. Заметим — впоследствии Делёз попытается найти способ придать знаку иное выражение/смысл; первое определение нельзя воспринимать слишком строго, поскольку оно имеет отношение скорее к Спинозе (и вполне для него верно), нежели к будущим интенциям самого Делёза.

осколками чужого бытия, чужих вещей, чего-то, что нам принципиально непонятно и не ясно. Знаки даны таким образом, *что требуют дополнительного усилия* для того, чтобы встроить их в прямой порядок выражения. Человек, окруженный знаками, выпадает сразу из двух порядков, которым он мог бы быть сопричастен: с одной стороны, будучи окружен знаками, он способен выйти за пределы прямого разворачивания собственной природы, а с другой — все еще не способен соотносить себя адекватным образом с внешним порядком вещей. Он оказывается подвешен между тем, что он считал самым собою¹¹, и тем, что он от себя различал — знаки нарушают границы между индивидом и внешним миром.

Именно здесь, в зазоре между прямым и косвенным выражением, на границе их столкновения в нашем сознании, и возникают разнообразные знаки, которые мы заранее разделим на две группы — обычные знаки и события. Область обычных знаков, строго говоря, *между вещей*, то есть они возникают в нашем восприятии при странном стечении обстоятельств и зовут нас к поиску новых объектов. События же возникают не между конкретными вещами, а как бы поверх вещей; они возникают между общим порядком выражения и тем, что делает его возможным — Единым, Богом, Смыслом («Логика смысла»), Время («Кино»).

ЗНАКИ И СОБЫТИЯ

Прежде чем перейти к различным знакам Делёза, необходимо обратиться к их первичному истоку — к «Этике» Спинозы. Спиноза располагает знаки на уровне первого, неадекватного уровня познания. Неадекватное — знание, которое мы получаем о чем-либо, но которое относится не к вещам вокруг нас и даже не к нам самим, как некоторой вещи, но только к взаимосвязям между нами и вещами. Такое познание приводит в лучшем случае к осознанию положительной/негативной связи между состояниями собственного тела, без понимания причин — то есть без возможности произвольного изменения этих состояний. Это означает, что всякое неадекватное познание принципиально невыразительно — не может привести ни к каким действиям, поскольку мы не понимаем, какие причины к каким действиям ведут. Суждения первого

¹¹Касательно содержания этого «самим собою» человека — речь может идти как об инстинктах, «природе» (индивидуальной), возможно даже каком-то врожденном наборе идей. В общем, то, что должно быть напрямую выражено, исходя только из самого человека и Бога, без посредства других вещей.

уровня познания сводятся к оценкам: хорошо, плохо, нравится и не нравится. На этом уровне существует познание через «беспорядочный опыт» и через знаки¹². Первое подразумевает случайное усваивание приятных/неприятных состояний собственного тела; в пример второго Спиноза приводит те или иные слова, которые ссылают нас на уже запечатленный в нашей памяти набор усвоенных приятных/неприятных состояний. Познание через знаки, таким образом, у Спинозы сводится к познанию через слова, которые мы ассоциируем с тем или иным предшествующим опытом (сам Спиноза приводит пример с яблоком, который мы представляем, когда слышим такой-то набор букв; Спиноза, Иванцов, 2019: Ч. 2., Т. 18, схолия). Поскольку внешние объекты непознаваемы на первом уровне познания, как и наше собственное тело, то оказывается, что память, хоть и «заключает в себе природу внешних вещей», не выражает этой природы, поскольку мы понимаем лишь смесь природ своего тела и внешней вещи. Знак становится возможным как нечто, что отсылает сразу на две связи, два восприятия между нашим собственным телом и внешним объектом, как бы удваивая наше восприятие касательно внешнего объекта. Поскольку знак подразумевает наличие предшествующего опыта, к которому мы привязываем нынешний (через слово), то оба опыта сразу объединяются в единый *несуществующий* объект смутного ассоциативного восприятия.

...если душа, воображая несуществующие вещи находящимися налицо, вместе с тем знала, что эти вещи не существуют, то такую силу воображения она считала бы, конечно, совершенством своей природы, а не её недостатком... т. е. она была свободной (там же: Ч. 2., Т. 17).

В функциональном смысле работа со знаками для Спинозы приводит к попытке найти каждому знаку рациональное (адекватное) объяснение, которое могло бы показать, что, например, призрака на самом деле не существует, пускай он мне и привиделся; и на это есть такие-то убедительные причины — это освобождение от влияния чужих вещей, которые не способны раскрывать мою собственную природу.

Перейдем к Делёзу, который очень сильно усложнил базовые термины Спинозы. У Делёза появляются десятки разных знаков, причем они постоянно переименовывались и множились (иногда внутри одного

¹²В «Трактате об усовершенствовании знания» Спиноза упоминает о восприятиях, которые мы получаем «понаслышке» (Спиноза, Боровский, 1957: 325); следом идет беспорядочный опыт. Однако: (1) в «Этике» «понаслышке» исчезает, заменяется знаком; (2) знак начинает идти уже после беспорядочного опыта, а не до.

текста), приобретая все новые аспекты, которые, как я полагаю, нет смысла слишком подробно перечислять¹³. Мы, тем не менее, вполне можем выделить основную знаковую структуру, которая повторялась во всех делёзовских текстах с незначительными изменениями, и сводилась к четырем типам обычных знаков и одному особенному, «чистому знаку» — событию. Я взял названия знаков из разных текстов Делёза и смешал, стараясь выделить ключевую составляющую того типа знака, который упоминается. Придерживаться строго одного текста было бы невозможно, потому что ни в одном тексте полного перечня нет, так как все время выпадает какой-нибудь существенный элемент. Первые четыре из них «спинозианские», т. е. Делёз приписывал их Спинозе (три в «Спинозе и проблеме выражения», все четыре в «Спинозе и три „этики“»). Еще один — самостоятельное добавление Делёза, «знаки искусства» («Марсель Пруст и знаки») или «события» («Логика смысла»). Общая типология такова:

- (1) Индикативные, дологические, то есть знаки, отмечающие то или иное влияние внешнего объекта на наше тело и дающие нам представление о том, хорошо нам или плохо. Впервые возникают в «Спинозе и проблеме выражения» и заимствуются Делёзом напрямую из «Этики», оставаясь неизменным на протяжении всех текстов;
- (2) любовные знаки — знаки, заставляющие нас добровольно (а не из моральных соображений) повиноваться. У Делёза всякое познание, строго говоря, недобровольное; но в случае знаков любви мы сопровождаем наше познание аффектом собственного желания; в конечном счете нам кажется, что мы этого и хотели — знаки любви необходимы для понимания самопринадлежности процессу. Этот знак также появляется уже в «Спинозе и проблеме выражения», изначально получив название «религиозного знака», поскольку Делёз брал его не из «Этики», а из «Богословско-политического трактата», из фрагментов, связанных с требованием пророков себе дополнительных знаков, подтверждающих, что они общаются с Богом. Религиозные знаки претерпели большое количество трансформаций в течении творчества Делёза, поскольку,

¹³Справедливости ради, я не нашел ни одной работы, в которой были бы перечислены все многообразные знаки Делёза, иначе бы я на такую сослался. Даже работы по знакам из «Кино» крайне обобщенные, что неудивительно, ведь Делёз на ходу их переименовывает, т. е. его различные имена для знаков не являются конкретными и определенными тегами, а скорее имеют некий контекстуальный смысл, обращающийся к читателю напрямую.

по всей видимости, сама проблематика «Богословско-политического трактата» (по крайней мере, в связи со знаками) Делёза не очень интересовала; так, они стали сначала любовными в «Марселе Прусте и знаках», а впоследствии знаками «Образа-эмоции» в «Кино».

- (3) Абстрагирующие знаки, тесно связанные с понятием слухов и которые отвечают за появление у нас какого-либо первичного содержательного представления о мире. Они берут свое начало из «Трактата об усовершенствовании разума», однако у Делёза впервые они появляются в «Кино»¹⁴, а после окончательно закрепляются в «Спиноза и три „этики“», отделившись от императивных;
- (4) Императивные, то есть знаки, имеющие моральную природу — связанные с понятием долга или нормы, которые «заставляют понимать законы как моральные законы». Делёз приводит в пример наше восприятие различных инструкций: с одной стороны, мы могли бы попытаться понять, почему инструкция предписывает нам делать то, а не иное; а с другой стороны — могли бы просто повиноваться, ведь так написано (Делёз, 2014: 246–248). Всякое повиновение из императивных соображений суть знаковое; а иначе бы мы имели дело с адекватным познанием. Императивные знаки также появляются в «Спинозе и проблеме выражения», как и первые два знака, однако изначально остаются двусмысленными: Делёз пытается приписать им сразу два разных аспекта — с одной стороны, повиновение, а с другой стороны — первичное усваивание человеком понятий, необходимых для перехода с первого на второй уровень познания¹⁵.

¹⁴Речь идет о знаках «образов-импульсов», которые являются знаками «изначальных миров». Изначальные миры — это «чистый фон, задник, бесформенная материя, составленная из едва нарезанных кусков... Среди обитателей этого мира мы встретим животных, завсегдагая салонов, любовника, козла, бедняка, гиену. Им не свойственна четкая форма или конкретный тип поведения. Это звери в человеческом облике» (Делёз, 2020: 149–150). Ср. это с примером абстрагирующего знака из «Спиноза и три „этики“»: «Человек — разумное животное» (Делёз, 2002: 186).

¹⁵См. подробнее Делёз, 2014: 246, особенно размышление Делёза о том, что императивные знаки становятся началом гражданского состояния, которое возникает уже на неадекватном уровне. Двусмысленность связана с тем, что мы можем воспринимать общий фоновый контекст нашего бытия, слухи, мнения, обрывки фраз и подобное либо как нечто императивное, заставляющее нас себя слушать, либо как нечто оседающее фоном в нашем сознании. Если мы вынуждены что-то делать — речь идет об императивном знаке, а если слух остается просто слухом, то абстрагирующим.

События, то есть качественно отличные знаки, тесно связанные с понятием смысла. Изначально они появляются в «Марселе Прусте и знаках», под названием «знаков искусства», а впоследствии будут переименованы в события в «Логике смысла»; в «Кино» закрепятся под знаками Образа-времени.

Все эти знаки в разных комбинациях неизменно повторяются. В «Спинозе и проблеме выражения» дано три типа знаков, индикативные, религиозные (любви) и императивные. В «Марселе Прусте и знаках» даны четыре типа, материальные (индикативные), любви, светские (абстрагирующие) и знаки искусства (события). В «Различии и повторении» речь идет о трех синтезах времени, то есть знаках, различным образом соотносящихся с миром¹⁶. Мы имеем дело либо с актуальным знаком (индикативные знаки нынешнего состояния), либо тесно связанным с памятью, пытающейся соединиться с настоящим (любвные знаки, особенно см. Делёз, Маньковская и Юровская, 1998: 138, где Делёз буквально приводит в пример любовь Свана к Одетте из Пруста, чтобы пояснить работу второго синтеза времени), либо приоткрывающие чистую связь всякого времени вообще (событие). В то время, как в «Марселе Прусте и знаках» знаки искусства — это способ интерпретации светских, любовных и материальных, в «Различии и повторении» третий синтез времени — это способ выйти за пределы цепляющих нас знаков в сторону чего-то принципиально иного, иного типа знаков, которые открывает «систему будущего». В «Логике смысла» Делёз полностью сконцентрировался исключительно на событиях. В «Кино» есть все типы знаков: четыре типа знаков образа движения и знаки образа-времени (события). В работе «Спиноза и три „этики“», при обращении к Спинозе, Делёз упоминает все четыре типа обычных знаков, не упоминая события.

В конечном счете, обычные знаки берут свой исток целиком из Спинозы, в то время как концепт событий — уже самостоятельная попытка Делёзом трансформировать и дополнить спинозианские знаки. Уже на уровне «Различия и повторения» Делёз прямо проговаривает, что у Спинозы есть фундаментальная проблема — его Бог кажется неподвижным, непонятно, как именно он связан с модусами с точки зрения

¹⁶ «Первый синтез выражает основание времени в живом настоящем... Второй выражает обоснование времени в чистом прошлом... Третий синтез соединяет все три измерения времени, заставляя выступать их в своей чистой форме...» (Делёз, Маньковская и Юровская, 1998: 147).

самых модусов, для которых он остается свернутым (Делёз, Маньковская и Юровская, 1998: 60); и зачастую обращается к Ницше, находя у него сразу два смысла вечного возвращения, один из них соответствует обычным знакам (жизнь в чистой актуальности), а второй относится к порядку бесконечного прошлого и будущего¹⁷.

Прежде чем мы выделим общие свойства всех делёзовских знаков, а также проведем качественное различие между обычными знаками и событиями, необходимо оговориться. Подобное различие не оговорено ясным образом самим Делёзом (ведь он не противопоставлял события и знаки, а лишь мимоходом определял их друг через друга, например называл событие «чистым знаком» в «Логике смысла»), а потому его можно считать авторским и относительно произвольным. В любом случае, я обращаюсь к двум фрагментам из различных текстов. Определяя обычные знаки, я опирался на «Различие и повторение», на главу, посвященную Платону, отбору и симулякрам, «Различие само по себе», особенно на там же: 88–93. Именно в этой главе Делёз определяет «низвержение Платонизма» как «задачу современной философии», то есть свою, а не спинозианскую задачу, и впервые обращается к понятию симулякров. Определяя событие, я обращался ко второй книге «Кино», беря за основную интуицию разрыв с сенсомоторной схемой (или косвенным порядком выражения). Столь сильный разрыв между работами (более 20 лет) обусловлен в данном случае просто тем, что «ниспровергать» платонизм и обосновывать работу обычных знаков, как кажется, гораздо легче, чем пытаться придать самостоятельное и независимое значение придуманному самим Делёзом знаку, «событию». Поэтому я и обратился к одной из его последних работ, где он более ясно формулировал, в том числе и для себя, различие между знаками и событиями. Итак, общее у всех знаков, включая события, следующее:

- (1) они обладают феноменологическим и гносеологическим, а не лингвистическим характером¹⁸. «Различие и повторение» понятие знака тесно подвязано под понятие «различия», всякий знак — знак различия, то есть нечто, что дает нам доступ к различию; знак

¹⁷См. Делёз, Свирский, 2015: 86–92. Серия «Идеальная игра».

¹⁸Делёз, Маньковская и Юровская, 1998: 59–60. Это общее место, см., например, «*difference is an ontological rather than logical, semiological, political or historical category*» (Crotz, 2005: 6). Следует отметить, что статья Кротц полностью привязывает понимание Делёзом концепта различия к Бергсону, что, скорее всего, неверно; в «Различии и повторении» (центральный текст Делёза по различию) Бергсон вовсе не упоминается.

возможен только феноменологически, и доступ к нему есть исключительно у отдельного человека, что следует напрямую из того, что знаковая структура взята Делёзом из спинозианского неадекватного познания (знаки не отсылают к реальным вещам, а только к нам самим);

- (2) они неизменно возникают в зазоре между двумя элементами, являясь чем-то третьим для двух других вещей. Мысль возникает только в зазоре между качественно различным двумя вещами, где «одно отличается от второго, а второе от первого не отличается» (Делёз, Маньковская и Юровская, 1998: 46); знак возникает в «системе, наделенной элементами нарушения симметрии, порядком несоответствующих величин... вспыхивает в интервале между несоответствиями» (там же: 35).
- (3) Они являются «эффектом», то есть принуждающей силой или тенденцией, пускай и разного рода;
- (4) они не относятся к порядку актуального мира, мира вещей, они не существуют в полном смысле слова, а только как нечто проблематическое, смущающее, вынуждающее нас мыслить и так далее¹⁹.
- (5) Они ведут нас к обожествлению (единения с субстанцией/Богом/Различием/...), но разными способами, отсылающими к прямому или косвенному выражению.

Мы бы серьезно ошиблись, если бы попытались назвать конкретную вещь как пример того или иного знака/события, поскольку «знаки не имеют прямого референта в виде вещей» (Делёз, 2002: 189). Знаки отсылают скорее на определенные ситуации, когда нам кажется (и кажется таким образом, что мы не способны от этого абстрагироваться), что две вещи, которые не имеют никакой рациональной связи, каким-то образом должны были бы ее иметь: мы что-то упустили, потеряли, не догадались... Однако место знаков и событий будет одним и тем же, между вещей. Их ключевое различие состоит не в месте, а в том, что они различно нас «эффектируют», призывают нас к определенным действиям, ставят перед нами принципиально разную задачу или цель. Для расшифровки знака характерна попытка достижения Сущности, через уничтожение всякого образца и утверждение мира симулякров,

¹⁹См. «Чистое событие — это разом и весть, и вымысел, но никогда не актуальная реальность. Именно в этом смысле события суть *знаки* [Курсив Делёза. — Б. П.]» (Делёз, Свирский, 2015: 88).

в случае же события мы говорим о «производстве смысла» и «размножении серий», то есть нарушении порядка актуального мира с целью получить доступ к утверждению невозможных миров.

Сначала рассмотрим обычные знаки. Что такое «Сущность» и зачем ее достигать?

Выражение предстаёт как триада. Субстанция выражается, атрибуты — это выражения, а сущность — выраженное... Именно благодаря сущности субстанция отличается от атрибутов (Делёз, 2014: 16).

Концепт выражения не может быть схвачен без того, чтобы полагать одновременно три элемента, которые необходимы друг другу и без которого выражение превращается в простую эманацию или вовсе теряет всякий смысл:

- (1) то, что выражается (субстанция или смысл);
- (2) то, что выражает то, что выражается (атрибуты, то есть посредник);
- (3) то, что выразилось (сущность).

Делёз связывает концепт выражения с двумя порядками выражения — то, что выражается должно напрямую выражаться в модусах, а также выражаться косвенно, путем сторонних причин, т. е. через атрибуты. Именно человек здесь выступает тем, что замыкает саму схему и делает ее возможной — ведь только человек способен утвердить Сущность²⁰, именно у человека возникает проблема соотношения прямого и косвенного порядка выражения. *Сущность предстает перед нами как пространство полностью расшифрованных знаков* — именно поэтому Делёз связывает его в «Марселе Прусте и знаках» с искусством: в искусстве мы имеем дело с законченной историей, с возвращенным временем. Сущность делает возможным познание самой сути постоянного выражения, является условием различия Единого и его атрибутов, является окончательной целью всякого *познания*.

Каким образом происходит познание? Путем умножения симулякров и уничтожением всякого образца²¹. Знаки возникают между двумя несо-

²⁰Это очевидно, поскольку достижение Сущности определяется Делёзом через искусство в Делёз, 2017: 67. Мы оставим споры касательно того, человек утверждает Сущность или Сущность утверждается через человека.

²¹«Отвергнуть примат оригинала над копией, образца над образом. Восславить царство симулякров и отражений... Симулякр — это подлинный признак или форма того, что есть... Симулякр — это высшая форма; трудность для каждой вещи состоит в достижении своего собственного симулякра, его состояния знака» (Делёз, Маньковская и Юровская, 1998: 90–91).

измеримыми величинами — образцом и копией²² — в те моменты, когда мы сталкиваемся с вещами, которые должны были бы соответствовать некоему идеалу и имеют с ним какую-то связь, но совершенно не ясно какую именно. Дешифровка знака предстает как охота на образцы, с целью «утверждения чистого различия» — абсолютного различия всякой вещи по отношению друг к другу в одинаковой мере, но не по отношению к какому-либо образцу. Единственным «образцом» может оставаться лишь само Различие, понятое не в роли вещи, но в роли постоянного процесса утверждения симулякров и отброса всякого образца. Всякий знак — и есть знак смутного присутствия образца, который необходимо уничтожить. Уничтожение всякого образца есть утверждение уникальной перспективы, чистого Различия, на окружающий мир, а его абсолютная полнота есть достижение Сущности²³, *которая только и делает возможным концепт выражения на уровне «особого случая» — человека*. Таким образом мы достигаем постоянного выражения Различия²⁴, уничтожения образцов и воспроизводство симулякров, где мы выступаем прямой причиной происходящих с нами процессов; в этом случае война с образцами в собственной жизни, будь они любовными, светскими, материальными или любыми другими, означает для нас, что мы вложились в производство каждой отдельной вещи, которая *стала* симулякром благодаря нам. Превращение всякой вещи в симулякр — это сознательный акт дешифровки.

Рассмотрим теперь особенные знаки, события, тесно связанные с производством смысла и косвенным выражением. Делёз дает ряд важных определений в «Логике смысла»: «Смысл — это несуществующая сущность» (Делёз, Свирский, 2015: 7), которая находится «между двух терминов дуальности», вещи и предложения (там же: 45); «Смысл — это то, что выражается» (там же: 34), причем выражается обязательно через язык. Одновременно смысл является «атрибутом положения вещи» (там же: 35), который отвечает за происходящие с вещью события, изменения и деформации в глазах воспринимающего: никогда не предложение, никогда не сама вещь, но то, что находится между вещами и предложениями; «Смысл и есть „событие“», при условии, что последнее

²²Вспоминая пример выше, образец и копия — это как раз тот случай, когда одно похоже на второе, а второе на первое не похоже.

²³«Сущность... это различие, предельное и абсолютное различие» (Делёз, 2017: 67).

²⁴Напомним, что «Различие» в данном контексте тождественно «Единому» или спинозианскому «Богу», истолкованному на манер процесса, а не вещи.

не смешивается со своим пространственно-временным осуществлением» (Делёз, Свирский, 2015: 36).

Сравнивая это с приведенной выше цитатой из «Спинозы и проблемы выражения», связанной с порядками выражения, мы явно видим, что вместо субстанции Делёз подставляет понятие «смысл» (и то, и другое — это то, что выражается), однако в «Логике смысла» атрибуты Спинозы подменяются на атрибуты вещей и атрибуты предложения²⁵. Смысл находится между ними, сообщая нам нечто о вещи, что мы не способны напрямую увидеть/услышать, при помощи предложения, тем самым разрушая всякую связь с актуальностью.

Для Делёза понятие смысла подразумевает определенное отношение между прошлым и будущим, процесс перехода от некоего предыдущего состояния (бледные щеки) к состоянию будущему (красные щеки) — *краснеть*, т. е. смысл выступает посредником к восприятию переходных состояний у различных объектов, при этом сам не являясь объектом, постоянно ускользая от конкретного содержания и ударяясь в парадоксы. Представьте, что вы воспринимаете какой-либо объект, и он со временем изменился любым образом. В вашем *настоящем* все изменилось — ясно, что всякий объект, который мы воспринимали, ввиду контекста, ввиду изменения положения нашего тела, изменения перспективы и тому подобное, стал иным, мы с ним образуем иное состояние. Мы можем добавить — стал совершенно иным, ведь предыдущее настоящее уже потерялось где-то в прошлом. Какова будет связь двух щек, бледных и красных? Ответом Спинозы, например, была бы память. На уровне памяти будет нечто общее между двумя смесями тел, смесью моего тела с бледными щеками и смесью моего тела с щеками красными. Однако ответа про память мало, а Спинозы оказывается недостаточно — он объясняет лишь наше восприятие реальных физических объектов и возможности их отождествления, но не объясняет *самой возможности* их изменения, самого *процесса краснения*. Схожие физические влияния позволяют найти что-то общее во внешнем объекте, тем самым зафиксировав общее, выделив, в конечном счете, в двух состояниях один единый объект (возможно, ложным образом), но необходимо добавить объяснение, почему же он, *оставшись тем же*, изменился. Необходимо будет небольшое, *поверхностное* прибавление, так как объект остался тем же, но все же — не в том же смысле.

²⁵ Делёз, Свирский, 2015: 36. Делёз говорит, что атрибут предложения — это слово «зеленый», т. е. прилагательное, а атрибуты вещей — «зеленеть», т. е. глаголы.

Смысл оказывается своеобразной смазкой нашего восприятия, который позволяет тяжелому колесу актуальности совершать свой оборот, дает нам доступ к процессуальности. Язык становится посредником, крытой тележкой, через которую процессуальность и различие проскальзывает в наше сознание, которое без языка было бы полностью актуальным и подобным камню. Язык является *условием* сознательного восприятия переменчивого актуального и отсылает к возможности двух событийных рядов — прошлого и будущего, которые постоянно оказываются *рядом* с обусловленным ими настоящим. Прошлое и будущее образуют серии миров, в которых настоящее, актуальное, выступает лишь как маленькая точка актуальной фиксации множественности интерпретаций; событие это процесс перехода от одной контекстуальной серии к другой контекстуальной серии, чистый процесс как таковой, который мы не способны схватить без помощи языка²⁶, опираясь лишь на чувственность.

Событие возникает как бы посреди актуальности, в процессе ее разворачивания в виде условия этого процесса. События подразумевает несоотнесенность актуального воспринимаемого мира всем тем интерпретациям, что возникают в нашем сознании, всем тем многочисленным искусственным мостикам, что обуславливают реальный *процесс* актуального. Событие — *это одновременное сосуществование множества невозможных миров*²⁷, представленных в прошлом и будущем, где актуальное, настоящее, выступает способом умножения многочисленных интерпретаций происходящего, делая его более гладким, более поверхностным; события позволяют нам пережевывать грубую пищу вещей.

²⁶Заметим, что в «Кино» Делёз пытается найти определенные инструменты выхода за пределы актуального внутри кинематографа без обращения к языку — те или иные «синсигнумы» и «опсигнумы» (визуальные и звуковые эффекты), которые нарушают порядок изложения фильма, отсылают на какие-то косвенные контексты, стараются нарушить актуальную последовательность изображаемого фильма и даже вызывают шок, давая нам доступ к особенному образу Времени, который выполняют ту же функцию, что и понятия смысла в «Логике смысла» (нарушить актуальный процесс фильма = обратиться к контекстам прошлого или будущего).

²⁷См. Делёз, 2020: 401–409, глава «Потенция ложного». Делёз (не в первый раз) оговаривает про различие двух вечных возвращений (и соответствующих им утверждений) у Ницше, выделяя как окончательно правильное — вечное утверждение *невозможных* в актуальности миров, невозможных иначе, кроме как через обращение к «Времени» или чистой воле утверждающего. Следование событию — это удержание многообразия этой невозможности *по ту сторону актуального*.

Из этого становится яснее оба смысла вечного возвращения. В рамках первого мы погружаемся в чистую актуальность и в абсолютную истину, уничтожаем всякий образец и множим симулякры; достигаем пространства с отсутствием проблем, с разрешенными и расшифрованными знаками (Сущность), где всякая вещь становится одинаковым представителем чистого Различия — каждая вещь нами *познается* как продукт *прямого* выражения, так как именно *мы* становимся прямой причиной каждой актуальной вещи вокруг нас — когда мертвы образцы, единственным важным становится лишь усилия нашей собственной воли по изменению мира. Для второго вечного возвращения верно обратное — мы множим десятки невозможных миров, бесконечных интерпретаций, приспосабливаемся к тому, чтобы суметь истолковать всякую возможную вещь и соответствующее ей событие тысячей способов. В этом случае мы выступаем *косвенными* причинами для всякой возможной вещи постольку, поскольку мы их никогда не познаем (и не познаем) актуально, а лишь встраиваем отдельные вещи в многочисленные серии контекстуальных событий, утверждая языковым образом бесконечную процессуальность происходящего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение я кратко перескажу проделанное в этой статье, в первых трех абзацах, а после добавлю немного сверху. Мы разобрали два концепта — концепт выражения (кратко) и, куда более подробно, концепт знаков, из которых мы попытались достроить полноценную теорию. Концепт выражения, берущий свое начало у Спинозы, подразумевает наличие двух онтологических составляющих — актуального мира и того, что лежит в основании этого актуального мира — субстанцию. Однако понятие субстанции оказалось слишком неподвижным для Делёза, а потому он попытался наделить его процессуальным характером, подбирая все новые странные слова для ее обозначения — Различие, Смысл, Время, Длительность.... Мы показали, что субстанция/Различие выражает себя в мире как напрямую, так и косвенно: с одной стороны, Бог является причиной каждой вещи напрямую, а с другой — косвенно, то есть лишь постольку, поскольку он является прямой причиной какой-то другой вещи. Мы попытались рассмотреть ситуацию выражения с точки зрения *особого случая* (человека). Для человека есть две возможности реализовать себя в происходящем, или, если угодно, встроиться в божественный порядок.

Первая возможность заключается в дешифровке обычных знаков, берущих свое начало из Спинозы, и которых мы указали четыре основных типа, выделив их из различных текстов Делёза. Всякое косвенное выражение (выражение других вещей) предстает перед человеком в виде неясного, проблемного, непонятного — в общем, в виде знака, требующего своей дешифровки. Процесс дешифровки подразумевает постепенное уничтожение всякого образца и сведения всего своего бытия к одномерному миру, полному симулякров — чистой актуальности, где все вещи одинаковы в отношении друг друга. Это оказывается равносильным познанию истины (Сущности), что означает восстановление процесса постоянного и чистого выражения (на манер камня), где человек возвращается в общий порядок выражения, исключая всякое смутное и невыразительное внешнее влияние других вещей на самого себя, становясь прямой причиной каждой вещи (заранее занимая такую модель собственного поведения, где все вещи, какими бы они не были, являются лишь симулякрами без какого-либо образца, а потому не вызывают у нас фундаментальных затруднений; наша модель поведения является прямой причиной существования всякой вещи именно в том виде, в котором она нам будет дана (симулякр)).

Второй возможностью является попытка зацепиться за особенный тип знаков, или скорее особенный способ интерпретации знаков, развиваемых Делёзом уже в отрыве от Спинозы — событиям, которые зовут нас не к упорядочиванию собственного мира, а наоборот — к утверждению невозможных миров, которые *не способны* существовать актуально, но лишь *упорствовать* в языке. Это подразумевает не встраивание в общий порядок разворачивания природы, сколько попытку утвердить свою уникальную человеческую особенность *видения*²⁸ знаков, которая принципиально недоступна всем другим существующим вещам. События множатся в бесконечные *серии* событий, где минимальными единицами выступают как раз многочисленные знаки, которые вместо того, чтобы разрешать и дешифровать, мы можем удерживать в поле своего зрения, умножая многочисленные интерпретации — никогда не достигая актуального познания.

²⁸Важный термин для Делёза в «Кино», см. например Делёз, 2020: 249–261, где изначально именно термин *видение* становится отличительным для описания процесса сопричастности времени, а не движению.

Обе возможности предстают проблемными и тесно связаны с тем, какой именно выход мы бы хотели себе предложить из той жуткой ситуации неопределенности, в которую впадает всякий мыслящий человек — есть он, его некое содержание и попытка развернуть себя в окружающий мир, а также есть и сам мир, который пытается свернуть его по своим лекалам (в условный бараний рог). Речь необязательно идет о конфликте индивида и сообщества — речь скорее об условиях возникновения индивида как такового. Если мы верим Делёзу, а точнее его ранней Спинозианской проблематике, то оказывается так, что самым условием нашей мысли становится внешнее принуждение, которое не носит политический характер (в этом случае эта проблема была бы устранима), а скорее экзистенциальный. Человек как человек начинается с того момента, когда в его сознании возникают знаки, которые свидетельствуют о том, что он уже выпал из того состояния, когда он мог бы просто следовать своей собственной природе; при этом внешний порядок, в который он мог бы потенциально встроиться, оказывается «невыразительным», то есть ни к чему не ведущим. Можно себя ассоциировать с обществом; можно с *homo sapiens* или с разумным субъектом; можно тысячей других вещей — из этого никогда ничего не следует, подобные идеи ничего не меняют для тебя самого (какими бы они не были важными для сообщества).

Делёзовский словарь заворачивает саму реальность вокруг знаков, которые служат единственно-настоящим или подлинным, в смутном и непонятном мире. При этом знаки — не конкретный объект, а смеси из объектов и нашего собственного тела. Истолкование Делёза (хотя это могло бы стать предметом отдельной статьи) сводит третье, финальное познание Спинозы, опять же, к знакам; как если бы правильно существовать можно было только в том случае, если мы воспримем саму непонятность действительности самым радикальным образом, сделав из этого принцип собственной жизни. Способов оказывается два — либо стремится элиминировать всякий знак, вернувшись к прямому порядку выражения (к самому себе), полностью закрывшись от внешнего влияния (насилно, через искусство, привязав всякий знак исключительно к своей собственной жизни, своим восприятиям, своим мыслям, как ты их помнишь; то есть насилно создав самого себя, в противовес миру — самого себя, *которого ты никогда до этого не знал*²⁹), либо отказаться

²⁹Здесь и характерен пример Марселя Пруста, который «вернул утраченное время», а на деле — создал самого себя.

от самого себя целиком, попытавшись всякий знак истолковать как нечто, не имеющее к тебе какого-либо принципиального отношения. В этом случае в мире происходят «процессы», в нем «производится смысл», ты, как человек, это просто точка сборки, место языка, а твое «главное приключение — потеря собственного имени»³⁰, задачей же становится выполнять свою функцию, то есть стараться сгладить свои собственные знаки таким образом, чтобы они не тормозили ход вещей, создавая максимально гладкие пространства для их скольжения. Вместо выдумывания титанического образа себя, мы могли бы выдумывать бесконечное количество способов рационализации (зачастую парадоксальной), чтобы с помощью наших знаков, этих подвижных колесиков сознания, способных нарушать привычные нарративы, объяснять себе, казалось бы, противоречивый мир, вполне комфортным для нас образом — делая его тем самым осмысленным.

Оба хода имеют схожую структуру — мы постулируем нечто, что не находится среди вещей (знаки, события), но что делает эти вещи возможными; а после мы утверждаем, что для правильной жизни необходимо встроить это нечто в вещи, в виде определенного отношения. Примешивая к вещам знаки и события, мы как бы освящаем скудную реальность самим Мышлением; однако оба пути не имеют никакой финальной цели. Делёз лишь изредка оговаривается (в основном в лекциях по Спинозе и Лейбницу), что, возможно, именно это и есть человеческий путь к бессмертию — наша душа лишь постольку выдержит испытание временем, поскольку сумеет проделать указанный путь мышления.

Заслуживает ли бессмертие таких трудов — непонятно; Делёз не раскрывает проблематику бессмертия достаточно подробно, чтобы мы могли себе ответить, зачем нам это нужно. Но при этом внимательный анализ знаковой структуры текстов Делёза как бы принуждает нас к мысли, что само мышление и существует ради бессмертия; бессмертие является финальным условием всякого мышления — но неужели мыслящий настолько уж боится умереть, и не является ли условием мышления скорее готовность умереть в какой-либо момент своего бытия?

ЛИТЕРАТУРА

Делёз Ж. Различие и повторение / пер. с фр. Н. Б. Маньковской, Э. П. Юровской. — СПб. : Петрополис, 1998.

³⁰Это главное приключение девочки «Алисы», которая выступает главным героем «Логика смысла», см. первую серию.

- Делёз Ж.* Спиноза и три «этики» // Критика и клиника / пер. с фр. О.Е. Волчек, С.Л. Фокина. — СПб. : Machina, 2002. — С. 186–203.
- Делёз Ж.* Спиноза и проблема выражения / пер. с фр. Я.И. Свирского. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2014.
- Делёз Ж.* Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. — М. : Академический проект, 2015.
- Делёз Ж.* Марсель Пруст и знаки / пер. с фр. Е.Г. Соколова. — СПб. : Алетейя, 2017.
- Делёз Ж.* Кино / пер. с фр. Б.М. Скуратова. — М. : Ad Marginem, 2020.
- Спиноза Б.* Трактат об усовершенствовании разума / пер. с лат. Я.М. Боровского // Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. — М. : Государственное издательство политической литературы, 1957. — С. 317–358.
- Спиноза Б.* Этика / пер. с лат. Н.А. Иванцова. — М. : АСТ, 2019.
- Campbell I.* Deleuze and Guattari's Semiorhythmology : A Sketch for a Rhythmic Theory of Signs // La Deleuziana. — 2019. — Vol. 10. — P. 351–370.
- Colombat A. P.* Deleuze and Signs // Deleuze and Literature / ed. by I. Buchanan. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2000. — P. 14–33.
- Crotz E.* Bergson, Deleuze and the Becoming of Unbecoming // Parallax. — 2005. — Vol. 11, no. 2. — P. 4–13.
- Dawkins R.* From the Perspective of the Object in Semiotics : Deleuze and Peirce // Semiotica. — 2020. — No. 233. — P. 1–18.
- Faukner K. W.* Deleuze and the Three Syntheses of Time. PhD Thesis. — Warwick : University of Warwick, 2004.
- Howie G.* Deleuze and Spinoza. Aura of Expressionism. — New York : Palgrave, 2002.
- Marks L.* Signs of the Time : Deleuze, Peirce, and the Documentary Image // The Brain is the Screen : Deleuze and the Philosophy of Cinema (NED-New Edition) / ed. by G. Flaxman. — Minnesota : University of Minnesota Press, 2000. — P. 193–214.
- Williams J.* A Process Philosophy of Signs. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2016.

Pozdnyakov, B. B. 2024. "Vzaimosvyaz' kontsepta vyrazheniya i teorii znakov u Delēza [The Relationship Between the Concept of Expression and the Theory of Signs in Deleuze]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 8 (2), 277–299.

BORIS POZDNYAKOV
PHD STUDENT IN PHILOSOPHY
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (MOSCOW, RUSSIA);
ORCID: 0000-0003-0386-7729

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPT OF EXPRESSION AND THE THEORY OF SIGNS IN DELEUZE

Submitted: July 23, 2023. Reviewed: Feb. 03, 2024. Accepted: Apr. 10, 2024.

Abstract: In the proposed article, two concepts will be outlined—the concept of expression and the concept of signs, based on Gilles Deleuze and his understanding of Spinoza. The concept of expression implies two types of expression at once, direct and indirect, at the intersection of which there is one special exception—man. The latter falls out of the general order of expression. In the human mind, these two types of expression contradict each other. Indirect expression is given to a person in the form of vague signs that incline to one of two decisions: either to fully integrate into the order of direct expression and reduce one's life to pure actuality (and become like any other thing), or to bet on the special human existence, full of signs, without trying to decode, understand or resolve them. In addition, the author suggests a systematization of all possible signs used by Deleuze throughout his work in the form of five invariants that occur in different combinations in his texts: indicative, love, abstract, imperative and a special sign—event. The author argues that, despite the fact that sometimes Deleuze refers to events as signs and vice versa, we can distinguish them by their meaning for human beings—signs lead a person to actual existence by destroying any patterns and multiplying endless simulacra, while events imply the assertion of impossible worlds as constantly adjusting to actual reality in the past and future. The placement of signs and events is the same—indirect expression from other things that appears in front of our minds in the form of a problem, task or question; however, the meaning of this expression is different, and therefore the very division between the sign and the event turns out to be rather functional than ontological.

Keywords: Deleuze, the Concept of Expression, Signs, Spinoza, Difference, Sense.

DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-277-299.

REFERENCES

- Campbell, I. 2019. "Deleuze and Guattari's Semiorhythmology: A Sketch for a Rhythmic Theory of Signs." *La Deleuziana* 10:351–370.
- Colombat, A. P. 2000. "Deleuze and Signs." In *Deleuze and Literature*, ed. by I. Buchanan, 14–33. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Crotz, E. 2005. "Bergson, Deleuze and the Becoming of Unbecoming." *Parallax* 11 (2): 4–13.
- Dawkins, R. 2020. "From the Perspective of the Object in Semiotics: Deleuze and Peirce." *Semiotica*, no. 233, 1–18.

- Deleuze, G. 1998. *Razlichkiye i povtoreniye [Différence et Répétition]* [in Russian]. Trans. from the French by N. B. Man'kovskaya and E. P. Yurovskaya. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Petropolis.
- . 2002. "Spinoza i tri 'etiki' [Spinoza et les trois 'Ethiques']" [in Russian]. In *Kritika i klinika [Critique et Clinique]*, trans. from the French by O. Ye. Volchek and S. L. Fokin, 186–203. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Machina.
- . 2014. *Spinoza i problema vyrazheniya [Spinoza et le problème de l'expression]* [in Russian]. Trans. from the French by Ya. I. Svirskiy. Moskva [Moscow]: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy [Institute of General Humanitarian Studies Publishing].
- . 2015. *Logika smysla [Logique du sens]* [in Russian]. Trans. from the French by Ya. I. Svirskiy. Moskva [Moscow]: Akademicheskii proyekt.
- . 2017. *Marsel' Prust i znaki [Marcel Proust et les signes]* [in Russian]. Trans. from the French by Ye. G. Sokolov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Aleteyya.
- . 2020. *Kino [Cinéma]* [in Russian]. Trans. from the French by B. M. Skuratov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Faukner, K. W. 2004. *Deleuze and the Three Syntheses of Time. PhD Thesis.* Warwick: University of Warwick.
- Howie, G. 2002. *Deleuze and Spinoza. Aura of Expressionism.* New York: Palgrave.
- Marks, L. 2000. "Signs of the Time: Deleuze, Peirce, and the Documentary Image." In *The Brain is the Screen : Deleuze and the Philosophy of Cinema (NED-New Edition)*, ed. by G. Flaxman, 193–214. Minnesota: University of Minnesota Press.
- Spinoza, B. 1957. "Traktat ob usovershenstvovanii razuma [Tractatus de Intellectus Emendatione]" [in Russian]. In vol. 1 of *Izbrannyye proizvedeniya [Collected Works]*, trans. from the Latin by Ya. M. Borovskiy, 317–358. 2 vols. Moskva [Moscow]: Gosudarstvennoye izdatel'stvo politicheskoy literatury.
- . 2019. *Etika [Ethica Ordine Geometrico Demonstrata]* [in Russian]. Trans. from the Latin by N. A. Ivantsov. Moskva [Moscow]: AST.
- Williams, J. 2016. *A Process Philosophy of Signs.* Edinburgh: Edinburgh University Press.